

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Регурецкой Екатерины Михайловны «Концепция мифа в творчестве Б. Шульца и Ф. Кафки», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская)

Актуальность диссертации Екатерины Михайловны Регурецкой определяется необходимостью переосмысления в новую эпоху исторического, общественного и художественно-эстетического сознания знаковых явлений и имён XX века. Обращение к теоретическим аспектам проблемы мифотворчества связано с тем, что миф отличается укоренённостью в различных культурных системах, что определяет его серьёзное влияние на решение социальных, культурологических, философских вопросов. Интерес к мифу, проблемам мифотворчества и мифопоэтики в прошедшем XX и наступившем XXI столетиях поистине всеобъемлющ и проявился во всех сферах общественного сознания и прежде всего в искусстве и культуре. Миф исследовали и исследуют философы и историки, лингвисты и этнографы, искусствоведы и антропологи. Процесс этот предопределен глубокой и зачастую не осознанной человеком «внедренностью» мифа в область философских, культурологических, социальных проблем исторических эпох. Изучение сюжетов и образов национальных мифологий, а также специфики авторского мифологизирования – одно из ведущих направлений мирового современного литературоведения. **Актуальность** изучения названного направления гуманистической науки усиливается в связи с необходимостью исследования проблем европейской идентичности и национальных приоритетов в европейском литературном сознании, исследования художественного текста с точки зрения феномена национального кода в контексте исторической эпохи.

Об **актуальности** диссертационного исследования свидетельствует и выбор для сравнительного научного анализа творчества Франца Кафки и Бруно Шульца. И если творческий путь знаковой для XX века фигуры Кафки изучен в должной степени, то наследие Бруно Шульца, как верно свидетельствует Е.М. Регурецкая, ставшее предметом исследования за рубежом, прежде всего, в

Польше, в отечественном литературоведении редко становится предметом рассмотрения в трудах различного уровня. Отметим также, что выбранный Регурецкой Е.М. ракурс сопоставительного рассмотрения мифопоэтических тенденций прозы Ф. Кафки с аналогическим феноменом произведений Бруно Шульца помогает прежде всего понять и определить своеобразие художественного мира последнего из названных.

Актуальность исследования не замыкается на этом. Представленная на защиту работа имеет в своём содержании много продуктивных аспектов. Соискатель подключается к таким насущным не только для литературоведения, но и для гуманитарного знания в целом проблемам, как мифобиографизм и мифоисторизм, исследование городского текста. В связи с этим диссертационное исследование Регурецкой Е.М. имеет широкий социокультурный, философский, эстетический контекст, что также свидетельствует о его **актуальности и научной новизне**.

Научная новизна темы бесспорна. Действительно, к творчеству Франца Кафки обращались и обращаются исследователи разных поколений. Однако непосредственная новизна диссертации Е.М. Регурецкой определяется проводимым впервые сравнительно-сопоставительным анализом мифтворчества и принципов мифологизации в произведениях Бруно Шульца и Франца Кафки в контексте модернистского неомифологизма (автореф., с.6), что способствует возможностям систематизации мифообразов в творчестве писателей.

Если **объект** исследования в диссертации – модернистская проза Шульца и Кафки, то **непосредственный предмет** – художественная реализация концепции мифа в модернистском творчестве Шульца и Кафки, что реализуется в цели диссертационного исследования и задачах её осуществления: «**проанализировать модернистскую концепцию мифа Шульца и Кафки как целостную художественную систему**» (автореф., с.5) и последовательно решается в поставленных соискусителем задачах.

Не вызывают возражения положения, выносимые на защиту, направленные на доказательства идеи о том, что «**концепция мифа является интегральным**

фактором художественного мировосприятия Шульца и Кафки, определяющим идейно-художественное своеобразие их прозы» (автореф., с.7-8).

Во введении обосновывается выбор темы, правомерно отмечен растущий интерес к мифу в литературе XX-XXI веков, подчеркивается актуальность его изучения и научная новизна исследования, вкратце охарактеризована степень изученности творчества Кафки и Б. Шульца, четко формулируются цели и задачи исследования. Содержание введения концептуально, свидетельствует о том, что диссертация Регурецкой Е.М. опирается на солидную теоретическую и историко-литературную базу.

Четко сформулированная цель и поставленные задачи подтверждаются всем ходом исследования и реализуются в самой структуре работы, отличающейся стройностью, логичностью и хорошей теоретической оснащенностью.

Первая глава диссертации «**Теоретические принципы мифологизма Б. Шульца и Ф. Кафки**» посвящена двум проблемам: анализу теории мифа в литературоведении XIX и XX века и рассмотрению «мифологического модернизма» Кафки и Шульца. В первом параграфе Регурецкая Е. М. систематизирует известные исследования мифа в гуманитарных дисциплинах, в том числе в литературоведении.

Следует согласиться с выводами автора о том, что «в творчестве писателей-модернистов Кафки и Шульца категория мифа находит концептуализированное выражение. Если у Кафки концепция мифа была интуитивной, то у Шульца она получила теоретическое выражение в виде статьи «Мифологизация действительности» (дисс., с.69). Убедительно доказывается, что Шульц не был просто интерпретатором художественного мифа Кафки на польский язык, но сам как художником-мифотворцем был достойным оппонентом в творческом диалоге с Кафкой (дисс., с.69).

Интересны наблюдения автора об основной мифологеме творчества Шульца и Кафки, связанной с мотивом книги и с библейской мифологемой слова. При всех имеющихся различиях, Е.М. Регурецкая справедливо констатирует, что в художественном пространстве «Шульца и Кафки мифологический смысл книги

и слова нацелен на коммуникацию между людьми, на их взаимопонимание и нахождение общего языка» (дисс., с.70). Кстати, Е.М. Регурецкая обоснованно и конструктивно вступает в дискуссию по этому поводу с В.Г. Зусманом (дисс., с.57-58).

Однако следует отметить, что анализ теорий мифа в литературоведении XIX и XX века несколько «повисает» в структуре этой главы и в структуре этой работы, и сама концепция рассмотрения мифопоэтики и методика анализа связаны с этим последовательным изложением истории изучения мифа лишь относительно. Думается, что Регурецкая Е.М. напрасно ставит задачу пересказать всю историю изучения мифа. Это делалось неоднократно во многих диссертационных исследованиях, и вполне достаточно было сослаться на существующие подобные образцы. Кстати, одна из первых таких диссертаций – труд Е.Г. Прошиной цитируется в работе соискателя, хотя, к сожалению, иногда Е.Г. Прошина называется Прошиной.

Более того, этот обзор во многом вторичен и подаётся через призму труда Е.М. Мелетинского, который периодически просто пересказываются. Так, на стр. 23 находим 8 упоминаний Е.М. Мелетинского, на стр. 35-36 – шесть упоминаний. Однако заметим, что, говоря о неомифологизме, соискатель совершенно забывает упомянуть Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше, стоящих у истоков этого явления! Отметим также, что новейшие концепции мифомышления, мифотворчества и мифологизации автором не называются и не анализируются. Относясь с глубоким пietетом к Елиазару Моисеевичу Мелетинскому, заметим, что со времени публикации его труда прошло уже более сорока лет и появился ряд продуктивных концепций философского, социологического, психологического, нейробиологического характера, основывающихся на новейших исследованиях в области когнитивных наук и нейробиологии, связывающих мифотворчество с компенсаторными, отчасти терапевтическими функциями. Всё это было бы вполне уместно в представленном труде, в сущности, об этом автор сам пишет как во второй, так и в третьей главе.

Хотелось бы также уточнить содержание термина «мифологический модернизм», также конкретизировать термины «миф», «мифологизация», «мифообраз», «мифомышление», употребляемые в работе почти в качестве синонимов.

Говоря о Кафке как о создателе целостной концепции антимифа, соискатель, вслед за Е.М. Мелетинским, употребляет и по отношению к некоторым мифообразам Кафки понятие антимифа. Возможно, было бы корректнее говорить об очуждении или остранении смысла конкретного мифологического образа (дисс., с. 49-52)?

Вторая и третья главы носят аналитический характер и производят очень благоприятное впечатление логичностью, тщательностью и доказательностью анализа. Во второй главе в соответствии с поставленными задачами исследования обосновывается синтез мифологизма и биографизма в художественном пространстве Шульца и Кафки, рассматривается мифологизация отца в их произведениях, а также исследуется взаимодействие женского и мужского начал в их мифобиографической картине мира.

В третьей главе исследуются мифологизация исторических событий и личностей в мифотворчестве Шульца и Кафки, а также место и функции города в мифоисторической картине мира обоих писателей, исследуется соотношение категорий мифа и истории в художественной картине мира Шульца и Кафки.

Уже само перечисление рассмотренных и поднятых в диссертации Е.М. Регурецкой проблем свидетельствует о том, что представленная на защиту диссертация является зрелым трудом, подключающимся сложным теоретическим проблемам современного литературоведения, например, гендерным аспектам художественного творчества или к исследованию городского текста, анализу нарратива. Например, это касается повествовательной стратегии произведений Бруно Шульца. Так, на стр.85 Е.М. Регурецкая справедливо констатирует, что «повествовательная структура прозы Шульца предполагает раздвоение нарратора, который, как ребёнок, воспринимает события сквозь призму фантазии и мифа и для которого реальность неотделима от вымысла, но, как взрослый, нарратор анализирует

события, происходящие в прошлом». Всё это вполне могла бы стать предметом специальных исследований, но в работе Е.М. Регурецкой логично укладывается единую авторскую (Шульца и Кафки) мифологическую картину мира.

В диссертации встречаем целый ряд весьма продуктивных выводов, наблюдений, обобщений. Так, если мифологизация образа отца в художественном мире Кафки в достаточной степени изучена, то анализ мифообраза отца в творчестве Бруно Шульца привлекает научной новизной и точностью авторских комментариев. Это приводит к безусловному выводу о том, что «в то время как отец Шульца изображён мудрецом, духовным наставником сына и создателем «второй книги Бытия», взгляды отца Кафки в художественном и документальном изображении писателя предстают достаточно примитивными и резко контрастируют со сложным и парадоксальным мировоззрением Кафки» (дисс., с.93). Много интересных наблюдений, доказывающих тезис о том, что «мифобиографическая образность Шульца и Кафки является художественным синтезом двух принципов их творчества – мифологизма и биографизма» (дисс., с.111).

В третьей главе диссертации также содержится много заслуживающих внимания наблюдений, касающихся мифоисторизма, а также мифологизации города в художественном пространстве или австро-венгерского монарха произведений обоих писателей. Интересен сравнительный анализ мифологизации* в рассказах Кафки «Как строилась Китайская стена» и Шульца «Весна». Много продуктивных наблюдений, касающихся мифоисторической специфики образов городов, воссозданных писателями в своём художественном творчестве. Е.М. Регурецкая права, замечая, что «на рубеже XIX и XX столетий Прага и Дрогобыч были городами многокультурной и многоконфессиональной Австро-Венгрии, что напрямую повлияло на формирование мировосприятия Шульца и Кафки» (дисс., с.132).

Скрупулёзный анализ рассказа Бруно Шульца «Август» и рассказов Шульца «Коричные лавки» и Кафки «Описание одной борьбы» показателен в свете вывода Регурецкой Е.М. о том, что «конкретность и самоценность городской кар-

тины Шульца, в противопоставлении с «абстрактностью» и функциональностью городских эпизодов Кафки, тесно связаны с наличием природного начала в прозе Шульца» (дисс., с.137).

В Заключении представлены выводы работы, полностью соответствующие цели и задачам диссертационного исследования и отличающиеся глубиной, новизной и достоверностью. Согласимся с Е.М. Регурецкой в том, что основным «выводом данного диссертационного исследования является то, что миф является главной интегральной категорией Шульца и Кафки, подчиняющей принципы биографизма и историзма творчества двух писателей» (дисс., с.166-167).

Подводя итог сказанному, отметим, что работа Е.М. Регурецкой написана хорошим научным языком, не отягощенным излишними иноязычными терминами. Диссертацию отличают аргументированность и тонкость анализа, концептуальность. Выводы по диссертации достоверны и основываются как на широкой теоретической базе исследования, так и самой методике анализа изучаемого материала. Высказанные по ходу отзыва замечания, размышления и пожелания никаким образом не влияют на общую высокую оценку представленного труда.

Теоретическая значимость диссертации несомненно связана с исследованием функций мифа в литературе модернизма, а также с выявлением «взаимосвязи между мифopoэтическим и сравнительно-историческим анализом художественного текста» (автореф., с.6). Выводы диссертации послужат для дальнейших научных изысканий, касающихся как творчества Ф. Кафки, так Бруно Шульца,

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать выводы и материалы диссертации в вузовском преподавании при чтении общих лекционных курсов истории литератур европейских стран, а также в спецкурсах по проблем мифопоэтики в литературном процессе стран зарубежья в XX веке и по общетеоретическим вопросам диалога культур.

Автореферат диссертации и 9 статей, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, с доста-

точной полнотой раскрывают ее содержание. Работа прошла хорошую апробацию на научных форумах разного уровня.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что диссертация Регурецкой Екатерины Михайловны «Концепция мифа в творчестве Б. Шульца и Ф. Кафки» удовлетворяет всем квалификационным требованиям, предъявляемым ВАК РФ к подобного рода исследованиям. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.03.01 –литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская), отвечает требованиям, предъявляемым в пп. 9, 24 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская).

Официальный оппонент –
доктор филологических наук: 10.01.03 –
литература народов стран зарубежья,
профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы
Института филологии и журналистики
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И.
Лобачевского»

Татьяна Александровна
Шарыпина

15 октября 2018 г.

Контактные данные:

603950, Нижний Новгород, ГСП-20 проспект Гагарина, 23, корп.2
(831) 462-30-03
<http://www.unn.ru>, unn@unn.ru

